

А.В.Островский

О ВРЕМЕНИ ЗАВЕРШЕНИЯ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ И ПРОМЫШЛЕННОГО ПЕРЕВОРОТА В РОССИИ

Ostrovskii, A.V. "When Was Industrialization and Industrial Revolution completed in Russia".

This article shows that the existing views about the time during the end of industrialization and the industrial revolution in Russia are groundless. The author also pays attention to the inadequate interpretation of the concepts of "industrializations" and "industrial revolution" themselves, and provides a new understanding. According to this new understanding industrialization and the industrial revolution in the author's opinion did not finish in Russia until the middle of the XX century.

Когда-то в нашей литературе было распространено мнение, будто бы уже к 1861 г. в России сложились основы буржуазного общества. В соответствии с этим XVII веком датировалось завершение процесса формирования единого внутреннего рынка (История СССР 1941: 170), XVII–XVIII века рассматривались как период первоначального накопления (Исторические записки 1955: 420–429; К

вопросу 1958; Полянский 1958), а к 30 – 50-м годам XIX в. относился промышленный переворот (Струмилин 1944).

Позднее подобные представления были подвергнуты пересмотру и в литературе сложилась новая концепция, согласно которой крестьянская реформа 1861 г. знаменовала собою лишь первый шаг на пути от феодализма к капитализму, утверждение которого было отнесено к 80-м годам XIX столетия (История СССР 1968: 10; Переход 1969: 93). В результате этого XVII век стали рассматривать как начало формирования единого внутреннего рынка (Преображенский, Тихонов 1964: 80–110), возникла полемика вокруг вопроса о времени его завершения (Мионов 1972: 180–188; Ковальченко, Милов 1974; Мионов 1981: 243–244), обнаружилось существенные расхождения в вопросе о продолжительности процесса первоначально накопления (Переход 1969: 99–101), развернулись споры о хронологических рамках промышленного переворота (Переход 1969: 73–79).

По мнению одних исследователей, промышленный переворот в России завершился в начале 60-х годов XIX в. (Струмилин 1944), по мнению других, он продолжался до 80-х годов XIX в. (на сегодняшний день это наиболее распространенная точка зрения) (Яцунский 1952: 48–70), по мнению третьих – до 90-х годов того же столетия (Цыпин 1968: 166). Насколько же обоснованы эти датировки?

Первая из них была предложена С.Г.Струмилиным в 1944 г. в его брошюре «Промышленный переворот в России» (Струмилин 1944), а наиболее полно обоснована в статье «К вопросу о промышленном перевороте в России», опубликованной в 1952 г. (Струмилин 1952: 69–84). В этой статье им была сделана попытка дать обобщенное представление о соотношении ручного и механизированного труда в российской промышленности на 1860 г. Из приведенных им данных явствовало, что к началу крестьянских реформ механизированное производство давало 54% промышленной продукции (Струмилин 1952: 82).

Пытаясь определить соотношение ручного и механизированного труда в промышленности, С.Г.Струмилин оперировал данными только по обрабатывающей промышленности, полностью оставляя в стороне промышленность добывающую, в которой даже сейчас большая часть ра-

бочих занята ручным трудом (Труд 1988: 252). Если сделать поправку только на это, соотношение между ручным и механизированным трудом в промышленности России 1860 г. сразу же изменится в пользу ручного труда.

Однако данные С.Г.Струмилина не позволяют говорить о преобладании механизированного труда и в обрабатывающей промышленности, так как им явно неполно были учтены кустарные предприятия* и совершенно оставлены в стороне миллионы крестьянских хозяйств, занимавшихся домашней промышленностью.**

Данные С.Г.Струмилина не позволяют говорить о преобладании механизированного труда и на тех предприятиях, к которым они относятся. Дело в том, что дореволюционная промышленная статистика учитывала лишь наличие паровых двигателей, их количество, не всегда мощность, но не учитывала ту роль, которую они играли в производственном процессе (Рыбаков 1976). Поэтому она не дает возможности судить о соотношении ручного и механизированного труда.

К сожалению, остается неизвестным, как именно вышел из этого положения С.Г.Струмилин. Обычно же исследователи относят к предприятиям фабричного типа все предприятия, оснащенные паровыми двигателями, что ведет к явному завышению роли механизированного производства. О степени этого завышения может свидетельствовать тот факт, что даже в 1985 г. на наших фабриках и заводах механизированным трудом было занято лишь около 51% всех рабочих, 14% занимались наладкой и ремонтом промышленного оборудования, а 35% продолжали работать вручную (Труд 1988: 249). Это значит, что даже сейчас наши промышленные предприятия примерно на треть остаются предприятиями мануфактурного типа.

* Достаточно отметить, что даже в 1913 г. численность фабрично-заводских рабочих лишь на 20% превосходила численность рабочих-кустарей (см.: Крузе 1976: 42).

** По расчетам С.Г.Струмилина, механизированное промышленное производство давало продукции на 150 млн.руб., а численность крестьянских хозяйств в 1869 г. составляла около 8 млн. Это давало на одно хозяйство менее 20 руб. промышленной продукции. Было бы интересно определить, какова была стоимость продукции крестьянской домашней промышленности.

Исходя из этого, можно с полным основанием утверждать, что в середине XIX в. подавляющее большинство «фабрик» в действительности представляли собою централизованную мануфактуру лишь с частичной механизацией производственного процесса.

Точка зрения С.Г.Струмилина вызвала возражения в печати почти сразу же после того, как была сформулирована ее автором (Яцунский 1945: 126–135; Злотников 1946: 31–48; Пажитнов 1952: 68–76). Одним из первых его оппонентов стал В.К.Яцунский, который в 1952 г. предложил раздвинуть хронологические рамки промышленного переворота в России до начала 80-х годов XIX в. (Яцунский 1973: 116–145). При этом, если С.Г.Струмилину критерием завершения промышленного переворота считал победу механизированного труда над ручным в рамках всего промышленного производства, то по мнению В.К.Яцунского, «завершением промышленного переворота в стране надо считать время, когда он произойдет в ведущих отраслях производства, дающих в сумме большую часть продукции крупной промышленности страны» (Яцунский 1973: 126).

Оставив без обоснования вопрос о том, почему следует ограничиться только ведущими отраслями, В.К.Яцунский не дал объяснения, какие именно отрасли промышленности считать главными и почему. В этом отношении его позиция оказалась еще более уязвимой, чем позиция С.Г.Струмилина, а сделанные расчеты о соотношении ручного и механизированного труда по шести отраслям обрабатывающей промышленности (на основе тех же источников, которые использовал С.Г.Струмилину) были еще менее убедительны (Яцунский 1973: 126–134). Подобные недостатки мы видим и в работах последователей В.К.Яцунского (Очерки 1960: 88–99).

Не сумев в данном случае поколебать аргументацию С.Г.Струмилина, В.К.Яцунский совершенно обоснованно обратил внимание на узость подхода своих предшественников к проблеме промышленного переворота, которая заключалась в том, что, рассматривая его техническую сторону, они не учитывали социальную сторону, связанную с формированием рабочего класса (Яцунский 1973: 143–144).

Сам В.К.Яцунский ограничился только постановкой данного вопроса. Специальному рассмотрению он был под-

вергнут Л.М.Ивановым (1958: 44–47), который попытался доказать, что рабочий класс в основном сложился к началу 80-х годов XIX в. В качестве главных критериев решения проблемы он предложил рассматривать завершение отрыва рабочего класса от земли (Иванов 1958: 41) и формирование у него собственной идеологии (Иванов 1958: 39). Если первый критерий не вызывает сомнений, то второй представляется лишенным определенности и по этой причине открывающим широкий простор для субъективизма.

Однако из-за ограниченности источников трудно реализуемым на практике является и первый критерий. В результате этого Л.М.Иванов и сторонники его точки зрения мобилизовали для обоснования своих взглядов только выборочные данные (Иванов 1958: 44–47). Использование любой выборки прежде всего предполагает определение ее репрезентативности. Между тем данное обстоятельство осталось вне поля их зрения, и есть основания думать, что не случайно.

Во-первых, эти данные касаются только фабрично-заводского пролетариата, численность которого не превышала 20–25% общей численности рабочего класса. Поэтому даже в том случае, если бы удалось доказать, что в 80-е годы XIX в. большинство фабрично-заводских рабочих не было связано с землей, это еще не означает, что подобная картина была характерна для всего рабочего класса. Однако ее нельзя признать типичной и для фабрично-заводской промышленности. В середине XIX в. общая численность фабрично-заводских рабочих составляла 0,5 млн. человек, накануне Первой мировой войны – около 3,0 млн. За это же время численность населения страны выросла примерно в два раза. Следовательно, к 1914 г. численность потомственных рабочих не могла превышать 1 млн. человек. Это значит, что в начале XX в. как минимум две трети фабрично-заводских рабочих являлись выходцами из деревни.

Третья датировка завершения промышленного переворота в России появилась еще до Великой Отечественной войны (Зельцер 1934: 80–82; Зельцер 1933: 3–54). В 1949 г. она была поддержана Н.М.Дружининым (1949: 98–102), а в 1951 г. – А.М.Панкратовой (1951), но широкого распространения в литературе не получила. Из числа немногих

численных ее сторонников можно назвать Б.Л.Цыпина (1968: 166) и А.М.Соловьеву (1990). Показательно и то, что до сих пор эта точка зрения лишь декларируется. Даже в специальной монографии А.М.Соловьевой «Промышленная революция в России» мы не найдем аргументации того, что промышленный переворот в нашей стране продолжался до 90-х годов XIX в.

В результате приходится констатировать, что на сегодняшний день вопрос о времени завершения промышленного переворота в России остается открытым. Среди тех причин, которые до недавнего времени играли роль главного сдерживающего фактора в разработке данной проблемы, прежде всего следует назвать навязываемую исследователям сверху концепцию, согласно которой Россия уже к началу XX в. вступила в высшую и последнюю стадию развития капитализма – империализм. А поэтому от историков требовалось, чтобы, рассматривая процесс складывания капитализма, они не выходили за рамки XIX в.

Но если бы все заключалось только в этом, можно было бы ожидать, что произошедшее устранение прежних идеологических догм повлечет за собой пересмотр сложившихся представлений о времени завершения промышленного переворота в России. Этого не произошло, так как к предоставленной ей свободе наша историческая наука оказалась неподготовленной.

Немаловажное значение в данном случае имеет тот факт, что на протяжении многих лет два основных ее направления – эмпирическое и теоретическое – существовали почти независимо друг от друга. «Теоретики» витали в облаках схоластики, «эмпирики», не доверяя им, предпочитали блуждать в дебрях фактов.

В результате этого в нашей литературе отсутствует теоретическое осмысление промышленного переворота,* а существующие представления о нем не отражают всей сложности этого исторического явления. Сложившиеся еще в XIX в. главным образом на европейском, а точнее, на английском материале, они характеризуют лишь англий-

* Можно назвать только две попытки теоретического осмысления проблемы промышленного переворота: Потемкин 1930: 53–63; прения по докладу: С. 64–76; Промышленный переворот 1984: 70–93.

скую модель промышленного переворота. Долгое время эта модель считалась классической и универсальной и под нее осознанно или неосознанно подгонялся конкретный фактический материал, характеризовавший осуществление промышленного переворота в других странах.

Но чем позже та или иная страна вступала на путь промышленного переворота, чем с более низкого экономического уровня она стартовала, тем более ее индустриальное развитие отклонялось от английской модели. Очевидно, что в этих условиях ее следует рассматривать лишь как один из вариантов его осуществления, характерный для стран «первого эшелона» капиталистического развития, а обобщенная модель промышленного переворота должна учитывать опыт его осуществления во всех странах.*

Вот как характеризует промышленный переворот «Экономическая энциклопедия»: «Промышленный переворот – система экономических и социально-политических изменений, в которых нашел выражение переход от основанной на ручном труде мануфактуры к крупной машинной индустрии» (Экономическая энциклопедия 1979: 384). Иначе говоря, промышленный переворот – это переход: а) от ручного труда к машинному, б) от мануфактурного производства к фабричному.

В Англии к концу XVIII в. мануфактуры играли если не главную, то во всяком случае важную роль в промышленном производстве страны. Страны «второго эшелона» капиталистического развития вступали в эпоху промышленного переворота тогда, когда мануфактурное производство в них делало еще только самые первые шаги. Что же касается стран «третьего эшелона», то они должны были переходить к фабричному производству с еще более низкого промышленного уровня.

Но дело не только в этом. Если в Англии паровая машина первоначально совершила переворот в промышленности, затем на транспорте и только после этого – в сельском хозяйстве, то в странах «третьего эшелона» переход

* Вопрос о необходимости пересмотра прежних подходов к проблеме перехода от феодализма к капитализму, в том числе и к проблеме промышленного переворота, в нашей литературе был поставлен только в 60-е годы (Вопросы истории. 1964. №1. С.7).

от ручного труда к машинному начинался не в промышленности, а на транспорте. Затем машины стали использоваться в сельском хозяйстве и в горнодобывающей промышленности, и только потом – в обрабатывающей промышленности.

Следовательно, на большей территории планеты долгое время хотя и имел место переход от ручного труда к машинному, но он совершенно не был связан с промышленным производством, а когда стал распространяться в промышленности – не означал замены мануфактуры фабрикой.

В таком случае необходимо или признать, что большинство стран и народов не знало промышленного переворота, или же внести в сложившиеся представления о промышленном перевороте, соответствующие коррективы.

В связи с этим возникает вопрос: что же главное в характеристике промышленного переворота – переход от ручного труда к машинному или переход от мануфактурного производства к фабричному? Безусловно, главной, исходной и определяющей является первая характеристика, так как именно переход от ручного труда к машинному превратил английскую мануфактуру в фабрику.

Однако если определить промышленный переворот как переход от ручного труда к машинному, возникает другой вопрос: следует ли ограничивать этот процесс рамками промышленного производства или же рассматривать его как революцию во всех сферах народного хозяйства?

Обычно промышленный переворот рассматривается как процесс механизации промышленного производства, а процесс механизации всего народного хозяйства обозначается понятием «индустриализация».

«Индустриализация, – читаем мы в одном из энциклопедических изданий, – процесс создания крупного машинного производства во всех отраслях народного хозяйства, и особенно в промышленности. Индустриализация обеспечивает преобладание в экономике страны производства промышленных продуктов, превращение аграрной или аграрно-индустриальной страны в индустриально-аграрную или индустриальную» (БСЭ 1972: 266).

С точки зрения приведенного определения, промышленный переворот – это движущая пружина механизации всего народного хозяйства, обеспечивающая более быстрое развитие промышленности и превращение ее в ведущую отрасль экономики как итог индустриализации.

Однако если обратиться к истории стран «первого эшелона» капиталистического развития, оказывается, что здесь процесс отделения промышленности от сельского хозяйства и превращения ее в ведущую отрасль экономики начинался задолго до начала промышленного переворота.

Это было связано с тем, что все аграрные общества проходили в своем развитии две стадии. На первой из них сельское хозяйство развивалось при наличии резерва свободных земель и темпы роста численности населения соответствовали темпам освоения новых земель. Исчерпание резерва свободных земель вело к возникновению и распространению диспропорции между опережающими темпами роста численности населения и отстающими темпами освоения новых земель.

В этих условиях дальнейшее расширение площади пашни происходило за счет распашки сенокосов и выгонов, а расширение площади посева продовольственных культур – за счет сокращения площади технических культур. Это имело своим следствием разрушение сырьевой базы домашней промышленности. Захваченные этим процессом крестьянские хозяйства вынуждены были расширять спрос на товарную промышленную продукцию, который имел своим следствием рост цен на промышленные товары и стимулировал расширение промышленного производства. Не случайно в эпоху «первоначального капиталистического накопления» в Западной Европе особую роль в становлении крупного производства играла текстильная промышленность.

Быстрее всего этот процесс развивался в Нидерландах, где уже к XVII в. сельское хозяйство отошло на второй план, а ведущее положение в экономике заняла промышленность. К этому времени здесь городское население стало преобладать над сельским. Следовательно, если главный итог индустриализации – это превращение промышлен-

ленности в ведущую отрасль экономики, то в Нидерландах (с XVII в. по одной из провинций эту страну стали называть Голландией) он был достигнут задолго до изобретения универсального парового двигателя, положившего начало промышленному перевороту.

В таком случае следует различать два типа индустриализации: один был связан с мануфактурным, другой – с фабричным производством. Но если превращение промышленности в ведущую отрасль экономики возможно и на одной, и на другой основе, связь такого превращения с промышленным переворотом и механизацией всего народного хозяйства – это частный случай.

С учетом этого представляется целесообразным использовать понятие «индустриализация» для характеристики процесса отделения промышленности от сельского хозяйства и превращения ее в ведущую отрасль экономики, а под промышленным переворотом понимать процесс перехода от ручного труда к машинному в масштабах всего общественного производства. С этих позиций и следует подходить к решению вопроса о времени завершения промышленного переворота в России.

Споря между собою о времени его завершения, исследователи довольно единодушны в признании того, что в начале XX в. Россия уже находилась в преддверии превращения из аграрной державы в индустриальную. В доказательство этого обычно приводятся данные об отраслевом распределении национального дохода накануне Первой мировой войны, из которых явствует, что к этому времени на сельское хозяйство приходилось примерно 53% национального дохода, на промышленность и другие отрасли экономики – около 47% (Вайнштейн 1969: 68).

Однако при этом исследователи предпочитают не замечать того, что приводимые ими данные характеризуют распределение национального дохода не по месту его производства, а по месту потребления и по этой причине несут на себе отпечаток искажающего влияния так называемых «ножниц цен», т.е. завышения цен на промышленные и занижения цен на сельскохозяйственные товары.

По некоторым данным, в начале XX в. в результате такого неэквивалентного обмена сельское хозяйство теряло почти 36% производимого им национального дохода

(Барсов 1974: 96). Если внести эту поправку в приведенные выше данные, то окажется, что в 1913 г. 75–80% его общей массы давало сельское хозяйство и только 20–25% – промышленность и другие отрасли экономики.

Это соотношение в пользу промышленности изменилось только в 50-е годы XIX в.,* и потому лишь к этому времени можно относить превращение промышленности в ведущую отрасль экономики, завершение индустриализации. Только после Великой Отечественной войны завершается и формирование рабочего класса.** По всей видимости, тогда в завершающую стадию вступил и промышленный переворот. Это значит, что материальные предпосылки для утверждения буржуазного общества были созданы в нашей стране не ранее середины XX в.

Литература

- Барсов 1974 – Барсов А.А. НЭП и выравнивание экономических отношений между городом и деревней // Новая экономическая политика: Вопросы теории и истории. М., 1974.
- БСЭ 1972 – БСЭ. 3-е изд. М., 1972. Т.10.
- Вайнштейн 1969 – Вайнштейн А.Л. Народный доход России и СССР: История. Методология исчисления. Динамика. М., 1969.
- Дружинин 1949 – Дружинин Н.М. О периодизации истории капиталистических отношений в России // Вопросы истории. 1949. № 11.
- Зельцер 1933 – Зельцер В. Ленин и проблема промышленной революции в России // История пролетариата СССР. 1933. Сб.4 (16).

* Соответствующие расчеты о соотношении промышленности и сельского хозяйства за 30–50-е годы XX в. были сделаны мною в 1987 г. и тогда же предпринята попытка опубликовать их в виде небольшой заметки под названием «О спорности одной “бесспорной истины”» на страницах «Нового мира». Заметка была одобрена, отредактирована и включена в № 4 на 1988 г., но в самую последнюю минуту без всяких объяснений выброшена из него. Позднее некоторые из ее выводов были опубликованы одним из авторов на страницах газеты «Правда» без указания на их происхождение.

** На мой взгляд, главным критерием решения данного вопроса следует считать изменение механизма роста численности рабочего класса: на стадии формирования рабочий класс расширяет свои ряды главным образом за счет внешнего фактора, а когда процесс формирования завершается – за счет естественного прироста.

- Зельцер 1934 – Зельцер В. Промышленная революция в России // Борьба классов. 1934. № 9. С. 80–82.
- Злотников 1946 – Злотников М.Ф. От мануфактуры к фабрике // Вопросы истории. 1946. № 11–12.
- Иванов 1958 – Иванов Л.М. К вопросу о формировании промышленного пролетариата в России // История СССР. 1958. № 4.
- История СССР 1941 – История СССР / Под ред. В.И.Пичета, М.Н.Тихомирова и А.В.Шестакова. М., 1941. Т.1.
- История СССР 1968 – История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1968. Т.5.
- К вопросу 1958 – К вопросу о первоначальном накоплении в России: XVII–XVIII вв. М., 1958.
- Ковальченко, Милов 1974 – Ковальченко И.Д., Милов Л.В. Всероссийский аграрный рынок XVIII – начала XX в.: Опыт количественного анализа. М., 1974.
- Крузе 1976 – Крузе Э.Э. Положение рабочего класса России в 1900–1914 гг. Л., 1976.
- Миронов 1972 – Миронов Б.Н. О критерии единого национального рынка // Ежегодник аграрной истории Восточной Европы. 1968. Л., 1972.
- Миронов 1981 – Миронов Б.Н. Внутренний рынок России во второй половине XVIII – первой половине XIX в. Л., 1981.
- Научно-теоретическая конференция 1955 – Научно-теоретическая конференция о первоначальном накоплении в России // Исторические записки. М., 1955. Т.54.
- Очерки 1960 – Очерки истории СССР: 1861–1904 гг. М., 1960.
- Пажитнов 1952 – Пажитнов К.Л. К вопросу о промышленном перевороте в России // Вопросы истории. 1952. № 5.
- Панкратова 1951 – Панкратова А.М. // Рабочее движение в России в XIX в.: Сборник документов и материалов. М., 1951. Т.1.
- Переход 1969 – Переход от феодализма к капитализму в России: Материалы всесоюзной дискуссии. М., 1969.
- Полянский 1958 – Полянский Ф.Я. Первоначальное накопление капитала в России. М., 1958.
- Потемкин 1930 – Потемкин Ф. К вопросу о методологии истории промышленной революции // Труды Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов. 28 декабря 1928 – 4 января 1929 гг. М., 1930. Т.1.
- Преображенский, Тихонов 1964 – Преображенский А.А., Тихонов Ю.А. Итоги изучения начального этапа складывания всеобщего рынка (XVII в.) // Вопросы истории. 1964. № 4.
- Промышленный переворот 1984 – Промышленный переворот и его

- социально-экономические последствия: «круглый стол» // Новая и новейшая история. 1984. № 2.
- Рыбаков 1976 – Рыбаков Ю.А. Промышленная статистика России XIX в. М., 1976.
- Соловьева 1990 – Соловьева А.М. Промышленная революция в России в XIX в. М., 1990.
- Струмилин 1944 – Струмилин С.Г. Промышленный переворот в России. М., 1944.
- Струмилин 1982 – Струмилин С.Г. К вопросу о промышленном перевороте в России // Вопросы экономики. 1952. № 12.
- Труд 1988 – Труд в СССР: Статистический сборник. М., 1988.
- Цыпин 1968 – Цыпин Б.Л. Некоторые особенности промышленного переворота в России. Свердловск, 1968.
- Экономическая энциклопедия 1979 – Экономическая энциклопедия. М., 1979. Т.3.
- Яцунский 1945 – Рецензия В.К.Яцунского на брошюру С.Г.Струмилина // Вопросы истории. 1945. № 1.
- Яцунский 1952 – Яцунский В.К. Промышленный переворот в России: К проблеме взаимодействия производительных сил и производственных отношений // Вопросы истории. 1952. № 12.
- Яцунский 1973 – Яцунский В.К. Социально-экономическая история России XVIII–XIX вв. // Избранные труды. М., 1973.